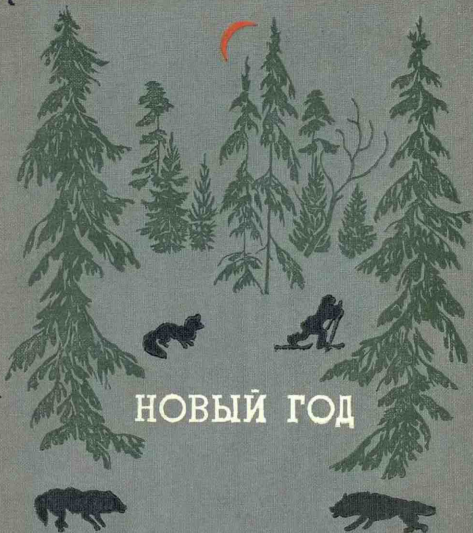

2-5
H-76

НОВЫЙ ГОД

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

42
W5

2-5
H-76

НОВЫЙ ГОД

СБОРНИК СТИХОВ И РАССКАЗОВ

15276

К.

РИСУНКИ
А.БРЕЙ

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

74

75

74

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Л. КОП.
Худож. редактор А. ЧЕГОДАЕВ.
Техн. редактор З. ТЫШКЕВИЧ.
Корректоры О. КОВАЛЕВСКАЯ и
А. САПЕЛКИНА.

Сдано в производство 14/X 1939 г.
Подписано к печати 9 XII 1939 г.
Детиздат № 2494. Индекс Д-5.
Формат 72 X 93¹/₂ мм. 5¹/₂ печ. листа.
(4,26 уч.-изд. л.) 2¹/₂ бум. л. 63540 зп.
в бум. л. Уполномоченный Глав-
лита А-20761. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1873.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сумарский вал, 44.

694399 кк ред
Российская государственная
детская библиотека

3667

15246

НОВЫЙ ГОД

Ребятам-пенцам маленьким
Зимой, под Новый год,
С гостинцами, с подарками
Послали самолет.

По радио, по радио
Передавал радиет:
«Площадка приготовлена,
Мы ждем тебя, садись!»

Закрыто небо тучами,
Домой зовут ребят.
Вдруг летчики раздумают,
В метель не полетят?

А Молоков бы вылетел!
А что он привезет?
От океана белого
Туман густой ползет...

А вдруг в снегу заблудится,
Вдруг мимо пролетит?

Но сквозь метель притихшую
Услышали — гудит.

Летит, на лыжах катится...
«Сюда, — кричат, — сюда!»
Горит на крыльях красная
Советская звезда.

С какими же подарками
Прислали самолет?
А из кабинки елочку
Механик достает.

Попробовали — колется,
Как злая рыба кость.
«Зачем сюда приехал ты,
Такой сердитый гость?»

У нас, на дальнем Севере,
Лежит тяжелый лед.
Ни сосенка зеленая,
Ни елка не растет.

Весной пригреет солнышко,
Глядишь — и снег просох.
Проглянет на проталинках
Один олений мох.

Зачем срубили елочку,
Зачем прислали к нам?» —
«А ну, — смеются летчики, —
Бегите по домам!»

Узнав про елку, вечером
Наехало гостей.
В поселке лают, ссорятся
Собаки всех мастей.

Веселые, румяные
Приходят гости в клуб.
Растет в углу высокая
Гора мохнатых шуб.

Идут отцы-охотники,
Седые старики.
На елке зажигаются
Цветные огоньки.

Ребята пляшут, кружатся,
Им радио поет.
«Так вот какую елочку
Привез нам самолет!»

Она стоит нарядная
От маковки до пят.
На ней конфеты, пряники
Для маленьких ребят.

Висят на елке яблоки
Из дальних южных мест.
Кто рыбку шоколадную
Сегодня ночью съест?

Кто будет кукле розовой
Оленью шубку шить?
Кто будет так же весело
Всю эту зиму жить?

З. Александрова

ЕЛКА

Елку вырублю в лесу,
Елку в школу принесу.

Всю в сосульках ледяных,
В крепких шишках смоляных,
Со смолою на стволе,
Со снежинкой на смоле.

Если встречу я в лесу
Настоящую лису,
Я на елку покажу
И в лесу лисе скажу:

«Ты меня, лиса, не трогай,
Ты иди своей дорогой,
Не задерживай, прошу:
Новый год встречать спешу!»

Мне навстречу выйдут волки,
Скажут: «Стой-ка, паренек!
На опушке вместо елки
Почему торчит пенек?..»

Дятел клювом застучит:
«Почему пенек торчит?..
Подождите, паренек:
Почему торчит пенек?»

На деревья снег ложится,
Всё в сугробах, всё в снегу.
И от зверя и от птицы
Я на лыжах убегу!

Я принес из леса елку —
Наглядеться не могу!

Мы развесили хлопушки,
Мы звезду зажгли на ней.
От подставки до макушки
Сто четырнадцать огней!

На ветвях висят флажки,
Золотые петушки.
Под ветвями — дед Мороз,
Ватный снег его занес.

Приходите к нам, друзья!
Эту елку выбрал я!

С. Михалков

Сан-Франциско далеко,
Если ехать низко.
Если ехать высоко —
Сан-Франциско близко!

Н. Артюхова

КРАСНЫЕ ЯГОДЫ

Есть в Финляндии, поблизости от нашей границы, два озера — светлое и темное. Темным озеро кажется оттого, что его окружает густой лес. А светлое открыто со всех сторон. Солнце освещает его целый день, и вода в озере такая прозрачная, что на дне виден каждый камешек.

Между этими озерами у самого леса стоит маленький домик.

В 1917 году, летом, там жил финский рабочий со своей женой и двумя сыновьями.

Однажды хозяйка домика услышала стук колес. Она вышла на двор и увидела, что приехал ее муж и с ним кто-то незнакомый.

Муж крикнул ей весело:

— Это наш гость, Константин Петрович Иванов!

И поселился с тех пор Константин Петрович в маленьком домике.

Он сразу подружился с сыновьями хозяина. Старшему сыну было восемь лет, младшему шел седьмой год.

Константин Петрович вместе с детьми ходил в лес. Лето уже кончалось, и, как всегда в начале осени, в лесу было много брусники.

Константин Петрович совсем не умел говорить по-фински. Ребята же ни слова не знали по-русски. Дружбе это не мешало. Но разговора не получалось. Ягоды собирали втроем. А поговорить об этих ягодах никак не удавалось.

Понемножку гость начал понимать говор ребят. Они часто говорили: «Пунаны! Пунатен пунаны!»

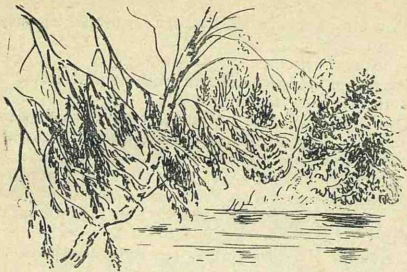
По-русски это значит — красные ягоды.

Эти слова очень понравились русскому гостю.

И он тоже начал говорить: «Пунатен пунаны!»

Увидит в траве красную бруснику и кричит:

— Пунаны!

А ребятам было смешно. Очень чудно выговаривал эти слова Константин Петрович. Но от этого только веселей было собирать ягоды.

Потом все втроем шли к светлому озеру. Стояла теплая погода, и можно было купаться.

Константин Петрович раздевался, но фуражки с головы не снимал. Он шёл в фуражке через все озеро, от берега к берегу. Ребятам очень хотелось спросить, почему он в фуражке купается, а как спросить — они не знали.

Вылезал Константин Петрович из воды — и фуражку тогда снимал. Волосы у него были короткие, темные, на лоб ложились неровно. Он потихоньку трогал их рукой.

После прогулки Константин Петрович всегда садился писать. Писал он быстро и очень мелко. Исписывал за день много листов.

Мать тогда говорила детям:

— Теперь ему не мешайте.

И ребята смотрели на гостя издали. А на следующий день

поутру опять звали его в лес. Покажут ему пустую корзинку из-под ягод и кричат:

— Пунатен пунаны!

Константин Петрович засмеется и встанет из-за стола:

— Ну, пунаны — так пунаны.

По вечерам приезжал с работы отец и рассказывал про город. Там только и говорили что про Ленина, про большевиков, про то, что буржуев скоро прогонят и власть будет народная. Буржуи день и ночь Ленина ищут: хотят убить его. Двести тысяч рублей обещано тому, кто арестует Ленина. Ошибаются буржуи: укроют рабочие Владимира Ильича! Укроют так, что никто не найдет.

Константин Петрович слушал разговоры, посмеивался, потихоньку трогал рукой свои короткие волосы.

Прожил он в маленьком домике недолго. Как-то приехали из города двое рабочих, и гость уехал с ними — навсегда.

Наступила осень. Светлое озеро уже не казалось светлым. От берега к берегу гуляли тяжелые темные волны. А по ночам слышно было в домике, как скрипят от ветра сосны в лесу.

Однажды хозяин домика уехал в город и пропал на несколько дней. Жена его очень тревожилась: она знала, что в Петрограде идет стрельба, рабочие восстали против правительства, вместе с ними — солдаты и матросы.

Наконец хозяин вернулся. Приехал он очень веселый и стал рассказывать: рабочие в России совершили революцию, и теперь там советское правительство во главе с Лениным.

Потом он бережно вынул из чемодана портрет Владимира Ильича и показал ребятам:

— Узнаете?

Мать засмеялась:

— Ну, где ж узнать! Ведь они его видели с волосами на голове, и волосы-то какие были густые! Они ему весь лоб закрывали.

Но старший сын закричал:

— Теперь я знаю! Я знаю теперь, почему он не снимал фуражку, когда купался! Он боялся, что парик размокнет.

Отец спросил младшего сына:

— А ты узнаешь?

Тот поглядел на портрет и хоть не сразу, но тоже узнал гостя. По глазам узнал.

Глаза-то у Ленина были особенные.

А. Кононов

ПАРТИЗАН ДАНИЛО

Часто, лежась вечером спать, дети просят:

— Мама, расскажи нам про партизана Данилу.

— Поздно, — говорю я, — пора спать.

А сама беру шитье, сажусь под лампой и начинаю рассказывать.

Это было зимой, почти двадцать лет тому назад. Мы жили тогда на Украине. В Петрограде и в Москве была уже советская власть, а у нас, на Украине, еще шла война с белыми. Отец тоже был на войне, а мы жили втроем: я, Надя и мама.

Мама служила прачкой у богатых панов. Паны платили мало, а хлеб был дорогой. Целый день мама стирала в прачечной, а мы с Надей сами дома хозяйничали. Мне было восемь лет, а Наде семь. От отца долго не было вестей. Раз кто-то передал маме письмо. Отец писал:

«Я служу в Красной армии, воюю вместе с Лениным за советскую власть. Потерпите еще немножко, скоро мы победим, я вернусь домой, и заживем хорошо».

Мать никому этого письма не показывала. Но мы с Надей слышали по вечерам, как она его читала сама себе вслух. Прочтет раз или два, спрячет письмо в сундук и задумается. А мы укроемся с головой одеялом и притворяемся, что спим.

С самого лета в нашем городе стояли белые. Мать очень боялась, чтобы мы не разболтали кому-нибудь про отца: «Узнают паны, что отец у вас красный, вон выгонят нас. А почуют белые — живыми нам не быть!»

Мы боялись, со двора никуда не ходили и ни с кем не разговаривали.

А во дворе у нас ни деревца не росло, ни травиночки. Осенью грязь была по колено, зимой снега — по шею.

Целый день мы толклись в грязи. Собирали в мусорной яме черепки и стеклышки и играли ими. А вместо кукол у нас были брусочки и чурочки.

Завернем бывало их в тряпочки, качаем и поем:

Баю-баю, деточка,
Баю-баю, маленькая...

И забудем, что у деточки — ни глаз, ни носа и сама она — деревянная чурка.

Мы жили в подвале, а наверху, на первом и на втором этажах, жили паны — хозяева.

В щели забора мы видели, как панские дети гуляли по саду и катались с горы на бархатных саночках. Один раз вечером мы отломали в заборе доску и тоже хотели прокатиться с горки на своих самодельных салазках. Только взобрались наверх, а на крыльцо вышла барыня да как закричит:

— Ай, чужие дети на горке! Заразу занесут!

Мы испугались, схватили салазки — и домой.

Как-то раз в середине зимы мы стояли у ворот. Вдруг видим — к панскому дому подъехали подводы. С парадного крыльца стали выносить вещи. Вот вынесли пикаф и диван, потом зеркало и умывальник. Положили умывальник на зеркало, а оно как хрустнет: тррр... Я говорю Наде:

— Разбили... Вот сейчас барыня заругается!

А барыня вдруг как закричит:

— Ничего, ничего! Бейте, ломайте, только бы скорее уехать, не попасть зверям в лапы!

Четыре подводы быстро нагрузили и отправили, потом сами наны сели в экипаж, посадили детей, няньку, гувернантку и поехали на вокзал.

Вечером мимо нашего дома долго шли белые солдаты. Везли пушки и пулеметы, проехала походная кухня и фура с красным крестом.

Мать вышла за ворота и сказала:

— Белые за Днепр ушли. Кончилось их царство, — и полезла на чердак вешать белье, а нам велела ложиться спать.

Легли мы в кровать, я спрашиваю Надю:

— Ты завтра гулять пойдешь?

Она говорит:

— Пойду.

— А я не пойду. Я зверей боюсь. Помнишь, как барыня кричала?

— И я не пойду. Я тоже боюсь.

Потом мы заснули. На другой день мама не пошла в прачеч-

ную. С утра мы слышали выстрелы. Сначала стреляли тихо и далеко, потом где-то совсем близко разорвался снаряд и затрепетал пулемет.

Мы с Надей перепугались, забились в угол за печкой и дрожим, как на морозе.

Потом вдруг стало тихо. Мы выбрались из угла, влезли на окно и увидели, как шли по улице новые солдаты. Они шли медленно, глядели по сторонам и держали наготове винтовки.

Через полчаса на улице сталолюдно и шумно, как в праздник. Из всех дверей и калиток выбегали мужчины, женщины и дети. Они ходили по улице, останавливались на углах и громко разговаривали.

— Вы сидите дома, — сказала мать. — Я сбегая на улицу, разузнаю, чьи это солдаты к нам пришли.

Надела платок и ушла. Мы остались одни.

Скоро нам надоело сидеть в комнате. Мы надели валенки, завязали друг на дружке платки и вышли во двор. Надя говорит:

— Пойдем с горки кататься. Паны уехали, никто нас не заругает.

— А про зверей забыла? Вдруг они за нами придут да вместо них нас с тобой... хап! хап! — и съедят.

А Надя все пристает:

— Нету зверей! Пойдем покатаемся.

Взяли мы салазки и пошли. Пролезли через дырку в сад, оглянулись. Тихо, и нет никого. Вдруг сверху, с чердака, кто-то как замяукает, а потом как залает: «Гав, гав, гав!»

Мы так и обмерли. Хотели бежать, а ноги от страху стали как деревянные. И вдруг слышим — кто-то сверху кричит:

— Девчата, а девчата! Это ваше белье на чердаке? Оно уже высохло.

Глянули мы тут на чердак, а в дверях стоит казак, росту маленького, совсем молодой, одет в желтый кожан и черную шапку, упер руки в бока и хохочет, заливаясь.

— Я ж с вами играю, а вы испугались! А ну, отойдите немножко. Сейчас белье скину.

И бросил вниз узел с бельем. Потом сбегал по лестнице, положил узел на скамейку и говорит:

— Пойдем, я вас с горки покатаю.

Надя его спрашивает:

— А где зверь?

— Какой зверь?

— Тот, что лаял.

Он опять как засмеется!

— Так то ж я лаял. Я нарочно, чтоб вы посмеялись, а вы, дурочки, испугались.

— А ты зачем на наш чердак лазил? Чего ты там искал?

— Я всюду лазил: и в сарай, и в погреб, и на чердак. Я смотрел — может быть, где враги прячутся. А врагов нигде нет — все за Днепр удрали.

— А ты кто такой? — спрашивает Надя.

— Я не зверь, не птица — я красный партизан Данило.

Влезли мы на горку и уехали на салазки. Я впереди, Надя сзади. А санки не едут. Ночью снегу очень много нанесло. Так мы с горы и не съехали. Только чуть сдвинулись — сразу кувырком в снег полетели и не можем подняться.

Данило стоит на горке и хохочет:

— Эй, девчата, вы чего носом бураки копаете? Много накопали?

Потом поднял нас, отряхнул с пальтишек снег и пошел на крыльцо за метлой. Подмел горку и приглашает:

— Пожалуйте, барышни! Как стеклышко, будет.

И правда, как поехали мы, так до самых ворот доехали. Потом еще пять раз прокатились. А тут Надя захныкала:

— Я домой пойду. У меня ноги замерзли.

Посмотрел на наши ноги Данило и спрашивает:

— Чего ж вам отец валенки не починит?

15246.

694399

Российская государственная
детская библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература“
БИБЛИОТЕКА

18751

Я говорю:

— Он на войне. Мы с мамой живем. Мама белье стирает.

Сказала — и прикусила язык: мать не велела болтать про отца.

Данило опять спрашивает:

— Кто же он, ваш отец: наш или белый?

Я молчу, а Надька роет валенком снег и бурчит себе под нос:

— Не, он не белый, он чернявый — такой красивый, с усами.

— С кем же он воет? С нами или против нас?

Надя опять бурчит:

— Нет, не с вами. Он вместе с Лениным воет. Ленин самый главный, а он помощник.

Данило как расхохочется:

— Ох и девчата! Ну и умные! Так и мы же тоже вместе с Лениным. Он у всех у нас главный, а мы все его помощники. Значит, ваш батюшка — наш товарищ, красноармеец. Вы, барышники, красноармейские дочки... А валенки я вам сам залатаю.

Пошли мы домой. В дверях мама стоит. Данило увидел ее и кричит:

— Здравствуй, товарищ!

Мама отвечает:

— Будь здоровый. Ты что, к моим девчатам в няньки нанялся?

— Эге, — говорит Данило, — у меня дома два малых сыночка остались. Так я здорово по ним скучаю. Увижу где ребятенка — и утешаюсь с ним. А белье твое уже высохло.

— Спасибо, — говорит мама. — Пообедай с нами. В печке горячий борщ стоит.

Данило сразу согласился. Пришли мы домой, разделись и уселись вокруг стола. Мама постелила на стол белое рядно, налила в миску борща и нарезала хлеба.

— Кушайте, — говорит, — на здоровье, пока горячий.

Только пообедали, Данило торопит:

— Доставай, мать, шило и дратву и войлоку кусок: девчатам валенки подшивать буду.

— Да ты посиди, отдохни! — просит мама.

— Некогда сидеть: каждую минуту приказа ждем. Велят нам выступать, и останутся твои девчата с дырявыми пятками.

А мама побледнела, как стенка, и спрашивает:

— Так вы от нас уходите?

Данило смеется:

— Ишь, перепугалась! Ты не бойся. Мы уйдем белых бить, а товарищи наши у вас останутся.

Достала мама шило и дратву и войлоку раздобыла. Сел Данило валенки подшивать, а мать взяла его кожух и шапку. Смотрит, все ли пуговицы на месте, не оторвалась ли в шапке подкладка.

Сидит Данило у печки, работает и песню поет.

— А ну-ка, девчата, — говорит, — подпевайте!

А мы петь не умели и песен хороших не знали.

— Ничего, — говорит Данило, — придет времечко, научитесь.

Мама пришила ему пуговицы и говорит:

— Кожух у тебя добрый, а шапка никудышная. Вся насквозь в дырках.

Данило смеется:

— Шапка моя особенная. Я ее ни на какую не променяю.

— Чего ж так?

— Она у меня и шапка и копилка сразу. Заодно две службы служит.

Я спрашиваю:

— Какая копилка?

— А чтоб вражьи пули собирать. Я расту маленького, где у людей голова, там у меня шапка. Вот пули в нее и попадают.

Браг стрельнет и радуется: «Убил человека, попал ему в голову!» А пуля-то в шапку попала!

Держит мама шапку в руках и считает: «Раз... два... три...» Пять дырок насчитала. Брови сдвинула, нахмурилась и спрашивает:

— И не надоело тебе воевать? Не страшно пули шапкой ловить?

Данило серьезный стал и не улыбается.

— Обманывать, — говорит, — не буду: другой раз страшновато бывает. А надоест не может: ведь я знаю, за что воюю.

— За что? — спрашиваю я.

Он опять веселый стал. Подкинул меня высоко и говорит:

— А за то, чтобы все на свете ребята весело жили и песни пели. Вот за что!

Подшил Данило валенки и собрался уходить.

Мы просим:

— Посиди еще немножко!

— Нельзя, — говорит. — Вы не скучайте, я тут рядышком буду. Мы же в вашем доме стоим — в панских хоромаш. Вот, коли ночью не уедем, я завтра раненько прибегу, коньки вам деревянные выстругаю, ремешками к валенкам привяжу и научу по льду кататься. Ложитесь скорее спать! Завтра раньше встанете.

Он ушел. А мы сразу легли и заснули. Утром только встали, а Данило в дверях стоит и кричит:

— Здорово, подружки! Пришел с вами попрощаться: приказ нашему отряду выступать. Кони уже у ворот стоят.

Мы, как услышали, сразу в рев. Я потихоньку в мамкину юбку уткнулась и плачу, а Надька стоит, слезы грязными лапами по лицу размазывает и ревет, аж на улице слышно. А Данило нас утешает:

— Не плачьте! Я скоро вернусь. Вот солнышко прищечет, травка выглянет, и я тут как тут: «Здравствуйте, подружки, красноармейские дочки! Привез вам с Черного моря гостинец».

Поцеловал нас Данило, пожал матери руку и вышел. Мы вытерли слезы, оделись и тоже побежали на улицу. Видим, стоят у крыльца кони и из дома вышли казаки. Все одеты в кожаные и папахи, и винтовки через плечо висят. Стали они на коней садиться, а мы опять в рев, да обе в голос. И мама тоже фартуком прикрылась. Казаки машут нам руками, что-то кричат, а мы ревом и ничего не слышим. А Данило слез с лошади и побежал в дом. Через минуту вернулся и кричит:

— Ну-ка, девчата, поглядите на меня!

Смотрим, а на нем барыниная шляпа надета. Сама шляпа белая, птица на ней голубая, лента малиновая и еще что-то — не то роза громадная, не то кочан капусты. И такой он смешной был в этой шляпе, что мы сразу перестали реветь. Стоим и смеемся. И мама тоже смеется, и казаки хохочут, заливаются.

Данило притопнул каблуком и пошел по дороге плясать, а сам поет:

Ой, ходила дивчина бережком,
Погоняла селезня батожком...

А потом разом вскочил на коня и поехал.

Долго еще оглядывались и кивали нам партизаны, а на повороте дороги Данило в последний раз крикнул:

— До свиданья, подружки!

Я кончила рассказывать. Горит на столе лампа, а в питье моем не прибавилось ни одного стежка.

— Мама, — спрашивают дети, — приехал опять Данило?

— Конечно, приехал. Спите, поздно уже. Одиннадцатый час.

Дети засыпают, а я еще долго сижу под лампой. Я думаю о далеких страшных годах гражданской войны, о добром партизане Даниле и о том, как много веселых песен поют теперь счастливые советские ребята.

В. Карасева

СЕСТРЕНКИ

Раскаты орудий Хасана
С утра долетели в Посьет.
Пришли перевязывать раны
Две девочки в наш лазарет.

Бойцы их сестренками звали.
Сестренки стелили кровать,
И воду бойцам подавали,
И раны могли бинтовать.

Был вечер тревожный и жаркий,
Над сопкой кружил самолет.
Врачи, фельдшера, санитарки
Работали ночь напролет.

Танкист разметался в кровати,
Обветрились губы в бреду.
«Товарищи, не отступайте,
Я танки в атаку веду!..»

«Скажи мне скорее, сестренка:
Разбиты ли наши враги?»
Другой ее просит: «Сестренка,
Письмо написать помоги».

С подушки зовет пулеметчик —
Он слаб, он не видит почти:
«Сестренка, хоть несколько строчек
Про нашу победу прочти...»

Бои отгремели на сопках,
На озере вновь тишина.

Из облака глянула робко
И стала на место луна.

Горят на путях светофоры,
Бойцов провожает народ —
В Москву из Хабаровска скорый
Героев Хасана везет.

В цветах и портретах вагоны.
Привет вам, герои страны!
И лица счастливых сестренок
В окошке вагона видны.

З. Александрова

КОЛЯ КУЗНЕЦОВ

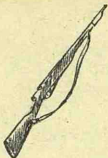
Маленький мальчик,
Зовут его — Коля.
Живет он в деревне
И учится в школе.
Он любит военных,
И с ним не шути:
Он сам в кавалерию
Хочет пойти.

А это — Огонь,
Жеребенок гнедой,
Горячий, пугливый —
Еще молодой.
Он вырастет скоро
И станет конем.
К Буденному
Коля поскачет на нем.

А это — седло.

Винтовка.

Шашка.

А это — бойца молодого фуражка.
Звезда посередке,
Под ней ремешок.
Такую фуражку носить хорошо!

А это — славное знамя полка.
Под знаменем этим проходят войска,
И каждый боец на горячем коне —
Он в армии служит Советской стране.

А здесь нарисован один из бойцов,
Один из бойцов — Николай Кузнецов.

С. Михалков

ЗАЯЦ

Как-то раз в солнечный денек отправились ребята на лыжах. Шли мимо сада. Яблоньки стояли под инеем и блестели, будто серебряные.

Павлик шел, шел и остановился.

— Смотрите, — закричал он: — кто-то яблоньку погрыз!

— Это заяц! — сказала Катя. — Вот и следы на снегу остались. Давайте его поймаем — по следам живо найдем!

Ребята привязали потуже лыжи и помчались в лес по заячьим следам.

Мишку Клюквина не хотели брать — маленький, отставать будет. Но Мишка ни за что дома не остался!

Вот прибежали в лес. Елки и березы стоят тихо, будто во сне.

— Стойте! — вдруг зашептал Шурик. — Вон там... заяц сидит!

— Где?

— Да вон, под елочкой!

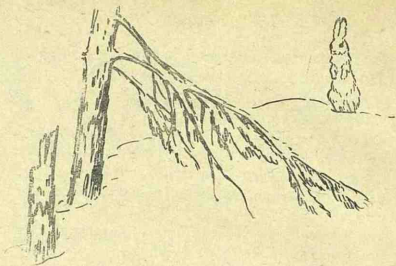
— И правда... — сказал Павлик. — Вот он сидит. Серенький!

Подкрались ребята тихо-тихо, окружили зайца со всех сторон. Всё теснее, теснее круг. Вот-вот поймут! Вдруг смотрят — а это вовсе не заяц! Просто пенек серенький торчит.

Побежали ребята дальше. А заячьи следы выются на снегу, будто цепочка. Вдруг Павлик с разбегу остановился и поднял руку:

— Тихе! Вон он — в кустах! Вон он — такой рыжеватенький!

Еще тише подкрались ребята,дохнуть боятся. Кольцом окружили кустики. Теперь не уйдет зайка! Уже руки протянули, чтобы схватить его, смотрят — а это опять не заяц, а муравьиная кочка!

— Не найти нам его, — сказал Павлик, — да и следов дальше нет... Пойдем домой, назад.

— Что же делать, пойдемте! — согласились ребята.

И побрели домой.

А заяц сидел тут же, под елочкой, сидел и не шевелился. И не серенький он был и не рыжеватоный. А совсем белый, как снег. Его ребята на снегу-то и не заметили!

Л. Воронкова

ЗАГАДКИ НА СНЕГУ

Е. Р. Воронкова

Снег до самого утра
Падал всё и падал.
Ну скорей, гулять пора,
Одеваться надо!

Посмотри, как всё бело,
Сколько снегу намело!

Ден

А следов-то на снегу!..
Разгадать я все могу —
Кто гулял у нашей двери,
Что за птицы, что за звери.
Мы пойдем с тобой вдвоем,
Мы их сразу назовем.

Видишь — лапки, по две в ряд,
Точно прутики, лежат
Полевей и поправей?
Это прыгал воробей.

Вот совсем на них похожи,
Но побольше — птичьи тоже.
Тут шагала у балкона
Очень важная ворона.

Испугал ее бульдог:
Вон следы собачьих ног.

Ямки круглые я вижу:
Это шел котенок рыжий
По ступенькам вверх и вниз,
На перила, на карниз...

Все следы — вблизи, вдали —
Точно в книжке мы прочли...

Нет, постой, не все! А вот
От крылечка до ворот
По расчищенной дорожке
Шли сейчас четыре ножки,

Все четыре в валенках,
Все четыре в маленьких.
Кто оставил этот след?
Сам ты можешь дать ответ.

А когда мы вечерком
Выпьем чаю с молоком,
Нарисуй в своей тетрадке
И загадки и разгадки.

Е. Ровинская

СЛОН

Мы слона слепили сами
На поляне под сосной,
С толстым хоботом, с клыками
И широкою спиной.

Зимовал он на поляне,
Мы садились на слона.
Но нависла над полями
Теплым облаком весна.

Теплым ветром разогретый,
Слон растаял под дождем.

Мы сюда зеленым летом
За малиною придем.

Летом дни проскачут звонко,
Как веселые мячи,
И опять по старым елкам
Дождь осенний застучит.

Отойдут грибы, орехи,
Уберут и рожь и лен,
И опять под белым мехом
У окна застынет клен.

И когда метель нагрянет,
Закружит снежком она,
Мы из снега на поляне
Снова сделаем слона.

В. Донникова

ДЕД МОРОЗ

Ночью в поле снег летучий,
Тишина.
В темном небе, в мягкой туче
Спит луна.

Тихо в поле. Темный-темный
Смотрит лес.
Дед Мороз, старик огромный,
С елки слез.
Весь он белый, весь в обновлениях,
Весь в звездах,
В белой шапке и в пуховых
Сапогах.
Вся в серебряных сосульках
Борода.
У него во рту свистулька
Изо льда.

Выше, выше
Вырастает дед Мороз.
Вот он вышел
Из-за елок и берез.
Вот затопал,
Ухватился за сосну
И похлопал
Снежной варежкой луну.
Зашагал он,
Закачал он головой,
Засвистал он
В свой свисточек ледяной.
Все снежинки
По сугробам улеглись,
Все снежинки
Огонечками зажглись.

М. Клокова

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Павлик упросил маму взять его с собой. А теперь он устал, и ему было совсем неинтересно, хотелось домой.

Они долго ходили по магазинам. Везде было много людей, Павлика толкали.

— Сидел бы дома! — говорила мама. — Вот и погода скверная...

Шел мокрый снег. Снежинки, коснувшись земли, исчезали, а земля все оставалась черной и мокрой. Огни отражались в тротуарах. Большие снежинки забирались Павлику за воротник, таяли на щеках, на носу.

Мама вела его за руку. Павлик шагал лениво.

Вдруг он так и вскинулся:

— Мама! Мама! Шары!

Он потащил маму вперед, наталкиваясь на встречающих.

Там, впереди, покачивалась над головами разноцветная летучая гроздь. Какая удача! Павлик давно хотел воздушный шар. Но не всегда их встретишь. Продавец шаров появляется неожиданно, и тогда во все стороны от него люди несут эти замечательные легкие шарики.

Шары шуршали, терлись друг о дружку.

— Вот этот я хочу! Вот! Вот!

Продавец оторвал красный шар, выдернул нитку из пучка, приколотого на груди, привязал нитку к шару и подал его маме. Все это он делал так быстро и неосторожно, что Павлик боялся: вот-вот шар улетит!

Мама старательно привязала шар Павлику к пуговице.

— Теперь зайдем только в нашу булочную — и домой!

В булочную — так в булочную. Павлик идет улыбающийся и гордый. К его пуговице привязан воздушный шар.

Шар налетает ему на лоб, на нос, стучается и отлетает. А как он хорошо пахнет, воздушный шарик! Совсем особенно.

Павлик потрогал его — скрипит и выскальзывает из рук.

Дома Павлик привяжет к нему длинную-длинную нитку и выйдет с ним во двор.

Веселые, дружные, мама и Павлик заходят в булочную.

В булочной тесно. Все спешат. Кассирша торопливо считает деньги. Продавщица быстро режет и взвешивает хлеб. Тарелки весов так и танцуют у нее под руками.

Мама отводит Павлика в уголок возле кассы:

— Здесь тебя не будут толкать.

Павлик часто бывает в этой булочной. Ему здесь все знакомо: и худая продавщица с веснушками, и сквозные постройки из сухарей на полках, и связки баранок, и груды пряников... Но сейчас Павлику не до пряников. Он занят своим шаром.

Жалко, что шар привязан к пуговице. Лучше бы взять нитку в руки.

«Сейчас отвязжу», думает Павлик.

Сначала нитка не слушается, потом разматывается, и вот шар отвязан, конец нитки у Павлика в руке. Обрадованный шар прыгает над головой Павлика.

Вдруг тонкая нитка выскальзывает из пальцев и улетает вверх.

— Ай! — кричит Павлик. — Мама! Улетел!

Мама подбегает к Павлику, смотрит вверх. Шар, касаясь потолка и покачиваясь, слегка подвигается, будто выбирает себе место.

— Вот он, вот! — показывает мама. — Сейчас мы его достанем. Будьте добры, — обращается она к продавщице. — Мы упустили шар, вон, видите, над прилавком. Не найдется ли какой-нибудь палки или крючка — достать его?

Продавщица перестает резать хлеб и поднимает глаза к потолку.

— Не задерживайте продавца! — сердито кричит какая-то женщина.

— Кто ж вам будет доставать? — говорит продавщица.

— Я сама достану, вы только дайте мне что-нибудь длинное, — просит мама.

— Ничего у нас такого нет. И некогда сейчас. Видите — очередь!

— Как же быть? — растерянно говорит мама.

— Другой купите!..

Что же это такое? Павлику не отдают его шар? Вот он, целый, здесь, на потолке, и его нельзя взять! И Павлик ревет громко, отчаянно.

— Подожди! Ну подожди, не кричи! Достанем...

— Не плачь, мама другой купит, — говорит какой-то дядя и похлопывает Павлика по плечу.

Но Павлик дергает плечом и ревет еще громче. Он заливаясь, то уткнувшись в мамину юбку, то задирая к потолку мокрое, красное личико.

Мама видит, что если поставить стул на прилавок и стать на стул, то свободно достанешь рукой до нитки.

— Может быть, вы мне дадите стул? — опять обращается она к продавщице.

Но продавщица пожимает плечами, как будто мама сказала глупость. Она даже не отвечает, только еще быстрее режет хлеб и сердито бросает его на весы.

— Павлик, перестань! Идем скорее домой. Я завтра куплю тебе другой шар.

— Не хочу друго-ой! Хочу этот!

Мама крепко берет его за руку и уводит из булочной.

На улице темно, мокро и скользко. Надоедливые снежинки лезут Павлику за воротник. Он еле бредет, всхлипывая и спотыкаясь.

Придя домой, измученный, охрипший от плача Павлик повторял:

— Спать, спать...

Когда мама раздевала его, Павлик, протягивая ей то руку, то ногу и закрыв глаза, думал: «Бедный шарик! Ушли и оставили его у злой тетки. Играть с ним никто не будет, никому он там не нужен...» И Павлику опять хотелось плакать.

А мама тоже думает: «Если б этот шар улетел или лопнул, не так обидно было бы!»

Павлику не спалось. Все мешало ему: и постель была какая-то неудобная, и часы тикали очень громко. Павлик ворочался с боку на бок. Вот он улегся поудобнее, часы перестали тикать.

Из-за подушки, из-за кресла, из-за стола, из-за стула, из-за лампы — отовсюду вдруг стали подниматься вверх воздушные шары — красные, лиловые, зеленые... Как красиво! Павлик ловит их, но не может поймать. Они дразнят его. Подлетают близко-близко... Павлику нужно только руку протянуть, но рука вдруг тяжелеет и не протягивается. А шар опять уже далеко.

Павлик ворочается и что-то говорит во сне.

Вот он совсем проснулся: открывает глаза и садится в кровати. На парадном звонят. Павлик оглядывается — мамы нет. На столе, под лампой, разбросано ее шитье, нитки, ножницы; значит — дома.

Вот ее голос в передней. И еще чей-то чужой. Павлик прислушивается.

— Мальчик... Павлик... — говорит чужой голос.

Кому там понадобился Павлик ночью? Он вскакивает с кровати и бежит в переднюю.

— Что это? — От удивления у Павлика раскрывается рот. Перед мамой стоит продавщица из булочной... а над головой у нее покачивается красный шар!

— Вот твой шар. Возьми! — весело говорит она, увидя Павлика.

Павлик стремглав бросается к ней и хватается за нитку.

Конечно, это тот самый! Это его шар!

Павлик смотрит сияющими глазами то на шар, то на продавицу.

— Как же вы нашли нас? — спрашивает мама.

— Я знала, что вы из этого дома; я во дворе спросила, где здесь живет Павлик. Ты уже не сердишься на меня?

Она заглядывает Павлику в лицо, и он близко видит веснушки и светлые смеющиеся глаза.

— Уж очень твой шар просился к тебе! Работа кончилась, люди ушли, вот он и стал меня просить.

Она встряхивает руку Павлика и идет к дверям.

— Тетя! Не уходите! Пойдем к нам! — кричит Павлик ей вдогонку.

И. Полянская

ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Однажды в наш явился дом
Веселый человек,
И все перевернул вверх дном
Веселый человек.

Он двигал кресла и столы,
Он залезал во все углы,
Он краску на пол проливал
И громко распевал.

Потом присел на табурет
Веселый человек,
И вынул трубку и кисет
Веселый человек.

И я уселся рядом с ним,
И я глядел на сизый дым,
И я завидовал ему —
Соседу своему.

Сукно и щетку притащил
Веселый человек,
Он щетку воском навошил,
Веселый человек,

И стал плясать, и стал свистеть...
И начал так паркет блестеть,
Что окна вместе с ясным днем
Вдруг отразились в нем.

Потом паркет сукном потер
Веселый человек,
Ох, удивительно хитер
Был этот человек!

Он двигал мебель, как хотел,
Он стулья в воздухе вертел.
Но даже тетя на него
Не злилась — ничего!

Ты помнишь, как она вошла,
Веселый человек,
И пять рублей тебе дала,
Веселый человек?

А мне за эту кутерьму,
Какую поднял ты в дому,
Такой бы вышел нагоняй,
Что только ай-ай-ай!

Е. Благинина

ПУЗЫРИ

Я в соломинку сквозную
Осторожно дую —
Раздуваются, горя,
Переливы пузыря.

Дом с крылечком и с окном
Отражается на нем,
Маленький, дрожащий,
Весь ненастоящий.

Тонкий ствол сосны прямой
Изгибается дугой;
Он такой, да не такой,
Не дотронуться рукой!

Я соломинку тряхну —
И летит пузырь
В голубую глубину,
В солнечную ширь.

О

Я скачу, я поддуваю,
В путь-дорогу провожаю.
Вдруг исчез, как не был...
Вижу только небо!

Но в соломинку сквозную
Я опять тихонько дую —
Раздуваются, горя,
Переливы пузыря.

И зеркальный и сквозной,
Он взлетает надо мной,
Сине-красно-золотой,
Ярким солнцем залитой.

Р. Гинцбург

ЗАЙКА

Зайка на проталинке,
Серенький да маленький,
Прислонился к колышку
И запел про солнышко:
«Ай да, ай да солнышко,
Золотое зернышко!
Где оно посеется,
Там зазеленеется!»

В. Осеева

ВОРОБЕЙ

Воробей с березы
На дорогу — прыг!
Больше нет мороза,
Чик-чирик!
Вот бежит в канавке
Быстрый ручеек.
И не зябнут лапки.
Скок, скок, скок!
Высохнут овражки.
Прыг, прыг, прыг!
Выползут букашки.
Чик-чирик!

М. Клокова

УШАН

Один раз осенью ехали мы с приятелем с охоты. Я отсидел себе ногу, слез с тележки — ноги размять. А проезжали мы через лес. Вся дорога была завалена желтыми листьями; они лежали толстым пушистым слоем, шуршали и рассыпались под ногами, как волны под корабельным носом. Так я и шел, глядя под ноги и гоня перед собою большую пушистую волну листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то сереется. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький. Пригнулся и сидит смирихонько. Я так и ахнул: только что здесь товарищ мой проехал, как же он зайчонка не раздавил?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руку, а он съёжился на ладони, сидит, дрожит, а бежать и не собирается. Возьму-ка я лучше его к себе домой — может, он у меня выживет; а то все равно погибнет — или замерзнет, или попадет лисе на завтрак.

Настелил я в охотничью сумку свежих пушистых листьев, посадил туда зайчонка и привез домой. Дома моя мать налила в блюдечко молока и дала зайке. Только он пить не стал — мал еще, не умеет. Тогда мы взяли пузырек, вылили туда молоко, надели на пузырек соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, повел усами. Мать выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку по носу. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал, да так весь пузырек и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам и никого не боится. Прошел месяц, другой, третий. Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас был старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе

ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка; зимой, когда в доме становилось холодно, придет бывало Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку. Свернется клубочком, а Джек сейчас же к нему: уткнется своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен. Вот и греют друг друга.

Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко покосился, но скоро тоже привык, а потом все трое сильно подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, как затопят печку. Сейчас же все к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними — черные тени, и от этого

кажется, что все в комнате движется: и столы и стулья будто живые. Дрова в печке горят-горят, да вдруг как треснут, и вылетит на пол золотой уголек. Тут друзья от печки врассыпную; отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивают: «Что это случилось?» А потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так.

Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой — хват! Раз тронет, другой. Заяц лежит-лежит, да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч за ним, а Джек за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. Таковую беготню подымут, что дым коромыслом. А как зайцу надоест — он марш под печку, и игре конец.

А перед тем как улежся спать, Ушан каждый раз бывало следы свои запутывал. На воле заяц всегда так делает: прежде чем лечь на отдых, начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево, то в сторону прыгнет. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберешь, куда заяц шел. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Вот наткнется охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал ее и удрал подобру-поздорову.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать. Бывало прыгает взад и вперед по комнате, выделявает свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака и поглядывает на него одним глазом, будто смеется над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, да такая дружная, теплая. Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу выпустить. Посадил я его в корзинку, пошел в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзинку посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы с Ушаном и с Джеком в лес, вынул я Ушана из корзины и пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, и не бежит, только ушами шевелит. Тут я хлопнул в ладоши, Ушан — прыг-прыг! — и легонько поскакал к кустам. Джек увидел — и за ним.

А Ушан все в лес не бежит, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по траве-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Я на зайца картузом замахал, кричу:

— Беги в лес, косой! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался и поскакал в лес, а Джек за ним. Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий крик, еще и еще... Я на крик бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я кричу:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет, будто хочет сказать:

«Я же тебе зверя поймал, а ты на меня кричишь».

Видно, не узнал Джек в лесу Ушана и схватил, как обыкновенного дикого зайца.

Отнял я Ушана, посадил на траву, а сам Джека за ошейник держу, не пускаю.

Тут и зайка, наверно, смекнул, что в лесу с собакой не поиграешь. Приложил уши — и марш в кусты. Только мы его с Джеком и видели.

Г. Скребицкий

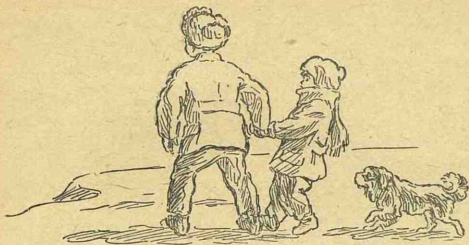
ЛЕДОХОД

— Мам, ну пусти! Я ее везде за руку... Ну пусти, мам, я угляжу! — ныл Ленька, натыкаясь на стулья и хватая за юбку мать, которая собиралась в Тучково за хлебом.

На пороге ревела четырехлетняя Нюрка. Она размазывала ладонями слезы по толстым румяным щекам и изо всех сил помогала брату:

— Пусти-и, мама, пусти-и!

Мать сердито бросила сумку на стол:

— И чего ты только ко мне пристал, а? Да ведь тебя, шалопая, только пусти — ты сразу на реку...

Ленька с отчаянием уцепился за ее рукав:

— Да ведь она тронется сейчас, мам! Ведь уж в Игнатьевском лед пошел, и у нас сейчас, и все ребята на реке... А ты час туда да час назад, а я все пропу-у-у!

Мать остановилась в дверях.

— Ох ты, горе ты мое! — сказала она. — Да ведь пока я Нюрку обую да пока одену, лавку на обед закроют — ну что ты, не понимаешь?

— Да я ее сам одену, мама! — радостно засуетился Ленька, хватая с печки Нюркины рукавицы и красную теплую шапку.

— Чтобы к реке у меня близко не подходить — слышите? И чтобы воды в калошах не приносить — обоим задам!

— Нет, нет, мам, я по сухому, — забормотал Ленька, напяливая на Нюрку шубу и ворочая ее, как куклу.

— То-то, что по сухому, я тебя знаю! — строго сказала мать, хлопнула дверью и ушла.

Ленька навертел на Нюрку шарф, сдернул с гвоздя свою ватную куртку, толкнул ногой дверь и вышел с Нюрой на крыльцо.

Теплый весенний ветер пахнул им в лицо. Нюрка вытянула вперед руки и зажмурилась от яркого солнца. Со всех крыш капало, повсюду стояли лужи, от сарая к улице тек большущий мутный ручей. Молодая рыжая корова Краснушка поглядела на ребят обалделыми глазами и шумно втянула широкими ноздрями пахучий весенний воздух.

Беспризорная трехногая собачонка Дамка, радостно визжа, кинулась к Нюрке.

— Дамка, Дамка! — закричала Нюрка и замахала руками.

Ленька нетерпеливо обернулся. По соседскому огороду, проваливаясь в талом снегу, бежал Ленькин приятель Колька. Он перемахнул через широкий ручей и умчался к реке...

«А я тут возись с ней, как каторжный!» хмуро подумал Ленька, и его радость сразу спала. Он поглядел на Нюрку, на прыгавшую собачонку и тихонько, крадучись стал спускаться с крыльца. «Удери! — мелькнула у него быстрая мысль. — Ну чего с ней тут делается?»

— А Дамку тоже возьмем? — вдруг спросила Нюрка, поглядев на Леньку своими круглыми доверчивыми глазами.

Ленька остановился, тяжело вздохнул и решительно взял Нюрку за руку.

— И без Дамок хороша, Тямтя-Лямтя! — проворчал он.

На деревне было пусто.

Ленька, шлепая по лужам, сердито тащил за руку накутанную, толстую Нюрку и нетерпеливо глядел на край улицы, откуда с высокого обрыва видна была река. Не доходя до последнего дома, Ленька побежал вперед и заглянул вниз.

Река стояла широкая и вспухшая. Полены и трещины, знакомые следы лыж и дорог на потемневшем льду — все было, как вчера. Ленька облегченно вздохнул.

Далеко внизу, у реки, возились и прыгали деревенские ребята. Они увидели Леньку и закричали во много голосов:

— Ско-рее! В Игнатьевском лед по-шел!

— Зна-ю! — крикнул Ленька.

Ему было жарко. Он сдернул с головы мохнатую зимнюю шапку. Ветер затрепал его потные волосы.

Далеко кругом виднелись поля, и на полях уже стоял снег, а в глубоких оврагах лежали голубые грязные сугробы. И с одного и с другого берега, стекая в реку, падали тысячи ручьев. И в каждом ручье ослепительно сверкало весеннее солнце.

Нюрка стояла рядом, растопырив руки в больших красных варежках, и испуганно смотрела вниз.

— Ну, Тямтя-Лямтя! — крикнул Ленька, схватил Нюрку за воротник и потащил ее вниз по мягкому, талому снегу.

К ним сбежались ребята.

— Ленька, эх ты! Сидит тоже дома!

— А тут дядя Егор из Медведкова прямо по льду так и пошел, так и пошел!

— С того берега на этот, а ему все кричат...

— Подумаешь, кричат! — перебил ребят Колька. — Подумаешь, какое дело! А я-то не пройду? А ну, давай на спор!

— А ну тебя, утопнешь! — лениво потягиваясь, сказал Мишка-Жир. — Тащи тебя потом...

— Да уж тебя, Жирка, не попрошу! Подумаешь, какой спасатель!..

— Тише... — прошептал, прислушиваясь, Ленька.

Нюрка испуганно оглянулась. Все замолчали.

К громкому журчанью ручьев присоединился чуть заметный и какой-то странный шорох. Этот шорох становился все громче и громче, заглушая шум бурных потоков. Казалось, что где-то близко спряталась огромная змея и шипит на кого-то, все больше и больше собираясь с силами. И вдруг сразу, сколько бы-

ло видно, широкое ледяное поле дрогнуло и, ломая кромку льда у берега и разваливаясь на части, двинулось вниз по течению.

— Тронулась!! — заорал вне себя Ленька и бросил на землю шапку.

— Тронулась! — тоненьким голосом запищала Нюрка.

— Тронулась! — закричали ребята. — Ура! — и, толкаясь и падая друг на друга, побежали вдогонку за льдом.

Только один толстый Мишка-Жир отстал и, надрываясь, кричал сзади:

— Ребя-ты! Куда бежи-те? Айда назад, на Макаровку! Там, может, еще не трону-лась!

Ребята останавливались друг за другом.

— А и верно, — сказал Леньке запыхавшийся Колька, — пошли на Макаровку! Чего за своим льдом-то бежать? А там вдруг чего интересное плывет — шапка или собака, как в третьем году! Айда, пошли скорей! Ты зачем Нюрку приволок? Нашел тоже время!

— А что, я сам, что ли? — рассердился Ленька. — Мать в лавку пошла. Не понимаешь разве?

— А она здесь посидит, ага? — сладеньким голосом сказал Колька и нагнулся к Нюрке. — Нюр, Нюрочка, ты посидишь? Вон на бревнышках, вон на солнышке... Ой, там щепочек сколько! Домики будешь из щепочек делать — тук, тук... Вот так, хорошие домики...

Нюрка испуганно схватилась за Ленькины штаны.

— Да ладно уж, — сказал мрачно Ленька. — Идите себе. Она как привяжется, так хуже смолы.

Ленька проводил глазами ребят. Ему было обидно — потащило вот их на Макаровку, когда ему нельзя! Он отвернулся и стал глядеть на реку.

Лед шел все гуще и гуще, весь перепутанный, чистый и грязный, со свежим навозом на перевернутых во все сторо-

ны дорогах, бурый, прозрачный и мутно-зеленый. И Ленька не мог понять, почему из одной воды получается такой разный лед.

Льдины налезали друг на друга и рассыпались, огромные зеленые глыбы бесшумно вставали на дыбы и падали навзничь, разваливаясь на мелкие куски...

«И какая же силища у этой нашей речки! — думал Ленька. — Ой-ой-ой! А Колька, дурной, хотел бежать на ту сторону. Да что бы с ним тут было!»

Вдруг большая, толстая, в три слоя, льдина зацепилась за камень, затрещала и остановилась, прижатая к берегу напиравшим льдом. Острый зеленый край льдины совсем выполз на грязную песчаную отмель прямо у Ленькиных ног. Ленька изо всей силы пнул льдину ногой. Льдина не дрогнула. Ленька вскочил на льдину и заплясал:

— Нюрка, Нюрка, гляди!

Нюрка, пыхтя, тоже стала взбираться на льдину.

— Не, не, не! Куда лезешь? — Ленька наспех погрозил ей кулаком. — Назад! Тебе говорю, слышишь? А то задам!

Он подбежал к краю льдины и остановился.

Маленькие кусочки льда мягко стучались о льдину, переворачивались и уплывали дальше.

Прямо под ногами у Леньки неудержимым мутным потоком мчалась желтая вода. Ленька долго глядел вниз. И вдруг ему показалось, что река остановилась, а он, Ленька, плавно и бесшумно понесся вперед на своей льдине. Ленька быстро взглянул на берег: река опять двинулась, а он остановился. Он снова взглянул на реку — и опять почувствовал, что быстро несется по ледяным просторам.

— Нюрка! — закричал в восторге Ленька. — Пльвем!

Нюрка давно векарабкалась на льдину и теперь смотрела на солнце через ясные, прозрачные кусочки льда.

— Гляди на реку! — кричал Нюрке Ленька.

Нюрка бросила «стеклышки» и вытаращила свои большущие глаза на плывущий лед.

— Да ты не гляди на лед-то, слышишь? — пригибал Ленька вниз Нюркину голову. — Ты ниже гляди: на воду, на воду, слышишь? Ложись, говорят тебе, — во, как я!

Ленька быстро растянулся на животе и усталился на воду. Нюрка послушно улеглась рядом с ним.

— Плыдем, плыдем? — нетерпеливо спрашивал Ленька.

— Плыдем, ага, плыдем! — вдруг запищала Нюрка и заболтала от радости ногами.

Она лежала на застрявшей льдине рядом с Ленькой, свесив голову к самой воде, и кричала Леньке в ухо тоненьким голосом.

Солнце жарило им спины. Мимо, крутясь, неслись в желтой воде обломки льда.

Вдруг страшный удар потряс всю льдину. Целые горы бурого и рыжего льда, рассыпаясь, налезли сзади, и Ленькина льдина со скрежетом провезлась по каменистому дну и, подхваченная течением, быстро понеслась вдоль берега.

У Леньки заглохло сердце. Если бы он был один, он успел бы, конечно, соскочить — ну, может быть, вымок бы немного. Но куда тут прыгнешь, если Нюрка... Что делать?

Знакомые берега быстро мелькали перед Ленькиными глазами.

Если кричать? Никто не услышит — пусто на берегу, деревня высоко. Только одно вот, если дядя Митрий на перевозе — у него багор есть, он зацепит...

Нюрка лежала на льдине и со страхом глядела Леньке в глаза. Уголки губ у нее испуганно вздрагивали.

— Вот и поехали! Нюр, Нюрочка! Здорово! — крикнул ей в ухо Ленька и поднял ее на ноги за воротник. — Как на машине, гляди! У-у!

Нюрка слабо улыбнулась.

— А ребята там, дураки, по берегу бегают, а мы тут катаемся, верно? А мы будто на ледоколе!..

Ленька замолчал.

Льдину быстро тащило к перевозу. Уже вдаль видна была низенькая, обросшая мхом избушка перевозчика и старая корявая ива, с которой ребята прыгали летом в воду.

На берегу было пусто. На двери избушки висел огромный ржавый замок.

Ленька перевел дыхание и опять заболтал:

— ...А мы тут с тобой будто на ледоколе едем, на «Красине». Прямо на Северный полюс. А кругом, гляди, медведи, киты всякие плавают...

«Попадем на Быр — беда! — думал Ленька. — Там и летом крутит, а сейчас там что!»

Река, суживаясь, стремительно неслась к повороту. Льдину подхватило срединным течением и потащило к тому берегу. Лед сталкивался, крутился и нагромождался друг на друга во много рядов. Тяжелые гулкие удары слышались за поворотом и отдавались эхом в густом еловом лесу на том берегу.

«Ломает. Пропаем!» с ужасом подумал Ленька.

Ему стало холодно.

Протяжный заводской гудок медленно поплыл в воздухе. Сейчас отец придет с завода. Ленька оглянулся назад. Холодный, ледяной ветер дул ему в спину.

«А на берегу-то тепло», подумал с тоской Ленька.

Нюрка смотрела на Ленку.

— Ну, — сказала Нюрка, — ну, дальше!

— Ну, а кругом медведи, киты плавают. А у нас всякие там ружья и китобойные пушки... Увидим кита — пых, и амба! Увидим белого медведя вон там — пых, и амба! Увидим... белого зайца — пых, и амба!

Вода бешено неслась к повороту, прямо на выступавший каменный берег.

— Увидим белого тигра... — подсказала Нюрка с заблестевшими глазами и затеребила Ленькину руку.

— Увидим белого тигра, — прошептал, бледнея, Ленька, — пых, и амба...

— Пых, и амба, — удовлетворенно повторила Нюрка.

И вдруг замерла, прижавшись к Леньке. Крутой, заваленный льдом берег со страшной быстротой мчался к ним навстречу.

— Ничего, Нюра, ничего, — тяжело дыша, забормотал Ленька, — ты только держись за меня, держись крепче...

Берег наскочил и ударился о льдину. Льдина врезалась с разлета в береговой подтаявший, слабый лед и, сильно накренившись, застыла на месте. Ребят свалило с ног. Но Ленька, крепко держа Нюрку одной рукой за воротник, успел схватиться за край льдины. Со страшным трудом он подтянулся одной рукой, закинул ногу и сел верхом на гладкий, острый и холодный край. Потом вытащил онемевшую от испуга Нюрку за шиворот, схватил ее на руки и, прыгая по скользким оттаявшим глыбам, выскочил на грязный, заросший прошлогодней травой берег.

Несколько минут они оба с ужасом глядели на бешеную ледяную реку. С реки несло холодом.

Ленька схватил Нюрку за руку и, ни слова не говоря, потащил ее домой через высокий железнодорожный мост по самой короткой, луговой дороге.

Он оглядывался и бежал с такой силой, как будто за ним гнались разбойники.

Яркое солнце слепило Нюрке глаза. Она ухватила за Леньку и, пыхтя и сопя, шлепала по блестящим на солнце лужам и по талому, грязному снегу. Старая тетка Анна повстречалась им на дороге и погрозила Леньке рукой:

— У-у, озорник! Волочит девку, будто мешок! Погоди, я вот мамке скажу...

Но Ленька ее не заметил.

Они прибежали домой измокшие и грязные. У ворот стояла

Краснушка; она взглянула на ребят все такими же обалделыми весенними глазами.

На крыльцо вышла мать.

Ленька схватил Нюрку и поставил ее перед матерью.

— Вот, — сказал он, тяжело дыша, — вот...

И остановился.

— Чего «вот-то»? — ворчливо сказала мать, оглядывая Нюрку. — Все как есть мокрые, не то что ноги!

Она схватила Нюрку за руку и потащила в дом.

Ленька боком вошел в дверь вслед за ними и, не раздеваясь, остановился у печки.

Отец с засученными рукавами стоял у окна и вытирал лицо и рыжие усы расшитым суровым полотенцем.

— Ну, доченька, и где же ты была? — спросил он Нюрку.

Нюрка кинулась к отцу навстречу и с засиявшими вдруг глазами радостно закричала:

— А мы на льдинке катались! Мама, папа! На речке, с Ленькой — ой, мама!

Мать тихо ахнула и поставила горшок со щами на стул. Отец опустил полотенце.

— Что? — сказал он Леньке.

Ленька шагнул вперед.

— Пап, мам... — заговорил он, задыхаясь и с силой тиская в руках шапку. — Пап, мам...

И вдруг бросил шапку, уронил голову на стол и зарыдал с такой отчаянной силой, что Нюрка застыла на месте.

Мать взглянула на отца.

Он отвернулся и медленно стал растирать свою широкую кирпично-красную от солнца шею.

Мать подошла к Леньке и дрожащей рукой погладила его по голове.

Л. Парижская

БАБУШКА

Очень бабушку мою,
Маму мамину, люблю.
У нее морщинок много
И на лбу седая прядь,
Так и хочется потрогать,
А потом поцеловать!
Вяжет бабушка сестричке
Шерстяные рукавички,
И в руках большие спицы
Петлю к петельке кладут...
Я у бабушки учиться
Завтра вечером приду...
Может быть, и я такой
Стану старенькой, седой,
Волоса — как паутинки,
И глубокие морщинки!
Будут славные внучатки...
И тогда, надев очки,
Одному свяжу перчатки,
А другому — башмачки.

Е. Ровинская

ТЕСТО

Было тесто бело,
Дулось и пытело,
Фыркало, шипело,
Тесто песню пело:

«Уползу я из кадушки,
 Я не буду пирогом!
 Не хочу я быть ватрушкой
 С творогом!» —
 «Стой! — сказала бабушка. —
 Не беги.
 Я спеку оладушки,
 Пирог,
 Пышные, румяные,
 С маслом, со сметаной.
 Будешь ты с начинкою,
 С ягодой малинкою.
 Будешь кулебякой
 И коврижкой с маком!»
 Отвечало бабке тесто:
 «Мне в кадушке мало места,
 Мне в кадушке стало тесно,
 В печку лезть неинтересно!»
 Сразу бабушке назло
 Тесто вздулось, поползло
 Со стола на лавку,
 С лавки на подлавку,
 Шевелит ноздрями,
 Дует пузырями,
 Тянется к порогу
 Белою дорогой.
 У порога свинка —
 Розовая спинка.
 Свинка хрюкает, визжит,
 К тесту белому бежит.
 Тесто зашипело
 И свиные запело:

«Ты меня не трогай,
Подожди немного!
Не верти хвостом,
Съешь меня потом —
Пирогом румяным,
С маслом, со сметаной.
Буду я с начинкой,
С ягодой малинкой,
Буду кулебякой
И коврижкой с маком!»
Отвечала свинка:
«Мне на что начинка?
Мне не нужен мак,
Съем тебя и так!»
И не стало у старушки
Теста белого в кадушке.
Кадушка пуста,
А свинка сыта.

Н. Найденова

ОБЕЗЬЯНКА НИНОЧКА И ЕЕ ПРИЕМЫШ

Щенок был еще очень маленький. В обезьянник его принес сторож Иван Петрович. Он нашел его около дверей.

— У нас тут тепло, хлеба и молока вдоволь. Прокормим! — сказал Иван Петрович.

Он был очень старый и много лет работал в зоопарке. Все любили его и слушались.

В корзинку положили сена, закрыли чистой тряпкой, вышло тепло и уютно. Принесли блюдо с молоком. Но щенок еще не умел лакать, он тыкался в блюдо мордой, фыркал, кашлял, за-

хлебывался. Тогда Иван Петрович принес маленькую бутылочку с соской, и щенок вдоволь насосался теплого молока. Кажется, ему теперь только бы и лечь спать. Но не тут-то было! Он перевалялся через край своей корзинки и отправился на поиски матери. Он полз по каменному полу; живот, полный молоком и круглый, как шар, мешал ему, лапы загребали вбок. Он грустно повизгивал.

В это время из клетки выпустили погулять обезьянку Ниночку. Ниночка уже несколько лет жила в зоопарке и была совсем ручная. Она часто бродила по обезьяннику, а летом даже гуляла с Иваном Петровичем по зоопарку. Он вел Ниночку за руку, и она шла рядом с ним на задних лапах — точь-в-точь послушная маленькая девочка, которая пришла со своим дедушкой в зоопарк. Вела она себя хорошо и даже не просила мороженого. Когда Иван Петрович давал ей конфету, она быстро разворачивала бумажку, а конфету прятала за щеку — «на после обеда».

Так вот, Ниночка вышла погулять. Только она хотела влезть

на стол и стащить морковку, как заметила щенка. Она бросилась к нему и схватила его за шиворот. Служащая кинулась отнимать у нее щенка, но Иван Петрович посоветовал подождать: что будет?

Как только Ниночка сообразила, что щенок живой, она ласково взяла его в руки, понюхала, лизнула, погладила, потом прижала одной рукой к груди и быстро-быстро на трех лапах побежала в свою клетку. Когда кто-то подошел к клетке, Ниночка сердито оскалила зубы, и мы решили не трогать ее и оставить в покое. Так Ниночка усыновила щенка.

Она оказалась очень хорошей матерью. Она взяла щенка на руки и долго, ласково укачивала его. И, когда он заснул, сидела не шевелясь, боясь разбудить его. Мы показывали ей конфету, яблоко, апельсин, но она не вставала и даже не протягивала руки.

Вот только с кормлением щенка была беда. Вынести из клетки Ниночка его не давала, а когда ему принесли молока, она вышла все сама. Потом, очевидно решив, что щенку тоже пора есть, начистила горсть подсолнухов и положила перед ним. Он тыкался носом в белые зернышки и жалобно визжал. Он был голоден, а семечек не ел. Наконец Иван Петрович взял бутылочку с молоком и накормил его тут же, у Ниночки в клетке.

Она быстро научилась кормить щенка. Правда, иногда она совала ему в рот не соску, а дно бутылочки, но это не беда. Надо было только во-время отнять у нее бутылку, чтобы она не уронила ее и не порезалась. Прошло несколько дней. Щенок подрос и уже пил молоко из блюдца, ел кашу, хлеб; только от морковки и яблок он отказывался, как Ниночка ни угощала его. Гулять они ходили вместе. Впереди шла Ниночка, важно, на задних лапах, передней лапкой придерживаясь за барьер, а за ней мелкой рысью, переваливаясь с боку на бок, трусил щенок.

Иван Петрович совсем успокоился за щенка. Но тут-то и начались неприятности. Ниночка, которая считала щенка своим

детенышем, решила, что пришла пора ему лазить. Она посадила его на проволочную стенку клетки, всунула его лапы в отверстия сетки, погладила его и отошла. Щенок повисел немного и с визгом упал на пол. Ниночка опять посадила его на сетку. Щенок опять упал. Он не мог лазить: у него были большие неуклюжие лапы с короткими толстыми пальцами, не то что Ниночкины узкие ручки с длинными цепкими пальчиками и черными плоскими ноготками. Иван Петрович думал, что ему придется отнять щенка у Ниночки, но щенок так защищался, кусался и визжал, как только она подносила его к сетке, что Ниночка наконец сама отказалась от мысли выучить своего приемыша лазить.

С тех пор они никогда больше не ссорились. Щенок вырос в большого, мохнатого, умного пса. Они с Ниночкой жили в одной клетке, ели молоко из одной миски. Ниночка выбирала из его шерсти блох своими ловкими пальчиками, а он за это катал ее на себе верхом. Вечером они свертывались в клубок друг около друга и засыпали, сладко посапывая.

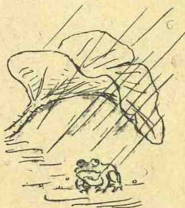
Е. Успенская

ЛЯГУШОНОК

Капли скачут по тропинке,
В подорожниках шумят.
Прилегли к земле травинки,
И лопух дождем примят.

В подорожниках зеленых
Шевельнулся лягушонок.
Он под дождь поставил спинку,
Прыгнул в лужу на тропинку.

Посидел в водице мутной,
Жадно сыростью дыша,
И сказал через минутку:
«Эх, погода хороша!»

А. Кардашова

ЗАГАДКА

Этот маленький ребенок
Спит без простынь и пеленок.
Под коричневые ушки
Не кладут ему подушки.

У него четыре ножки.
Он гуляет без пальто,
Он калошки и сапожки
Не наденет ни за что.

Не сошьют ему рубашки,
Не сошьют ему штанов,
Не дадут ему фуражки,
Не спекут ему блинов.

Он сказать не может: «Мама,
Есть хочу!» А потому
Целый день мычит упрямо:
«Му!»

Это вовсе не ребенок —
Это маленький теленок.

А. Введенский

ПРО БЫЧКА

Жил бычок —
Белый бочок,
Короткие рожки,
Толстые ножки,
А хвост —
с кисточкой.

Пошел он в лес,
В кусты залез.
Ходил недолго,
Видит — елка...
За елкой —
три волка...

Стоят и зубами щелкают.
Бычок испугался,
Бежать собрался.
Волк говорит:

«Я тебя съем!»

Второй рычит:

«Я съем совсем!»

А третий кричит:

«Нет! Я проглочу с хвостиком!»

Зажмурился бычок от испуга,
А волки подрались —
И съели друг друга.

Первый съел второго,

А третий —

и того

и другого

И улегся спать.

А бычок —

Белый бочок
Со всех ног
Побежал домой
И думает:
«Ой-ой-ой!»
Какая страшная история!»
Л. Некрасова

ДОМИК

Мама и папа ушли. А мы с Галей дома остались. Галя говорит:

— Давай, Колька, сделаем себе домик, как у трех поросят.

Мы стащили с кровати одеяло и завесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

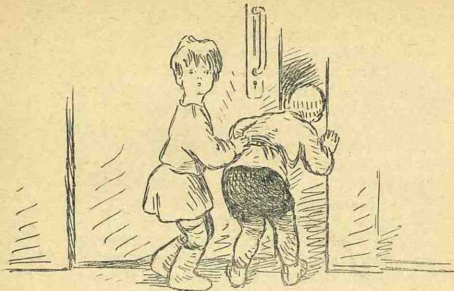
Галя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим. А если серый волк придет, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Галя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

Галя говорит:

— Нет. А ты меня?

— И я нет. Я даже себя не вижу!

Вдруг меня за ногу кто-то как схватит! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Галя за мной.

— Чего ты? — спрашивает.

Я говорю:

— Меня кто-то за ногу схватил. Наверно, серый волк!

Галя испугалась — и бегом из комнаты. Я за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл!

Держали мы, держали, даже запыхались. Галя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я, — говорит Галя. — Я хотела узнать, где ты.

— Чего ж ты мне раньше не сказала?

— Я испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти все-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло.

А Галя говорит:

— Нет, ты пойди!

Я говорю:

— Там же никого нет!

— А может быть, есть! — говорит Галя.

Я подкрался на цыпочках к столу, дернул одеяло — и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались, починили домик и снова стали в «три поросенка» играть.

Н. Посов

КРОКЕТ

Только кончился обед,
Мы пошли играть в крокет.
Мы достали для игры
Полосатые шары,
Все воротца на площадке
Мы расставили в порядке.
Все готово... Игроки
Взяли в руки молотки.
Вдруг пришел такой игрок,
Что никто играть не смог.
Он захрюкал, завизжал,
По площадке побежал,

В мышеловку и в воротца
 Мордой тычет, боком трется,
 Он шары, как молотком,
 Разгоняет пятачком.
 Третий красный — под террасой,
 Третий черный — у ворот,
 Покатился первый красный
 По дорожке в огород.
 На площадке ни шара —
 Что же это за игра!
 Все мы гоним поросенка.
 «Прочь пошел!» кричим вдогонку.
 Поросенок завизжал,
 Он с площадки побежал
 И захрюкал нам в ответ:
 «Мне понравился крокет!»

Н. Найденова

ОДУВАНЧИК

Мальчик дунул на цветок —
 Разорвался шар пушистый.
 Это — массовый прыжок
 Маленьких парашютистов.
 Ветер, ветер озорной,
 К нам неси парашютиста!
 Расцветет у нас весной
 Одуванчик золотистый.

Н. Артюхова

У РЕКИ

Под ветлой густой, высокой
Мы собрались у реки.
Солнце сыплет на осоку
Золотые огоньки.

У обрывистого края
Ветки сочные ломаем,
Ветки горкою кладем —
Вырастай, зеленый дом!

Все у нас почти готово —
Только крышу положить.
Заберемся в домик новый,
Будем в нем все лето жить.

А когда мы крышу свяжем,
Наберем песку на пляже
И дорожку за кустом
Желтым выкрасим песком.

Мы нарвем букетов пестрых,
Разукрасим свой шалаш.
Ни за что не пустим взрослых
В шелестящий домик наш!

В. Королинская

ТАНЬКА-ВСТАНЬКА

У Юрки была сестренка. Звали ее Танька-Встанька. Ходить она еще не умела, зато вставала очень ловко. Только ее посадят — она ухватится ручками за стул или за кровать и встанет.

А если ухватиться не за что, она просто на четвереньки встанет — и бежать. Прямо ни на минуту нельзя ее одну оставить.

Раз как-то мама, Юрка и Танька-Встанька пошли на речку купаться. Пришли на берег, а мама вдруг говорит:

— Я молоко не вскипятила. Придется мне с Танькой домой вернуться, а то молоко прокишенет.

Юрка придумал:

— Ты, мама, иди, а я постерегу Таньку. Ты, мама, не бойся. С Танькой ничего не случится, даю тебе честное слово.

Мама поверила.

Она посадила Таньку-Встаньку под куст лозы и пошла домой. Юрка принес Таньке камешков и напек из песку пирогов.

Танька играла камешками и била по пирогам погремушкой.

Вдруг из-за камыша выплыл Ленька, Юркин приятель.

Ленька плыл на спине и держал во рту желтую кувшинку. Он подплыл совсем близко, вытащил кувшинку и закричал:

— Здравствуй, Юрка! Лезь скорее в воду. Я тебя выучу плавать на спине.

— Мне нельзя, — сказал Юрка. — Я Таньку нянчу.

— Ну так что же! Я тоже ее буду нянчить. Мы вместе из воды будем за ней глядеть.

Юрка согласился:

— Только разик проплыву — и назад.

И полез в воду.

— Давай наперегонки на тот берег! — крикнул Ленька.

— Давай!

Доплыли вместе, вышли на песок и легли отдохнуть. Вдруг из кустов раздался выстрел. Юрка и Ленька сразу вскочили и бросились в воду.

Бедная Танька-Встанька одна, кругом стреляют!

Юрка греб изо всех сил, и руками и ногами, и через минуту уже был на другом берегу. Заглянул под куст, а Таньки нет, только пеленка лежит.

У Юрки задрожали губы.

— Ленька! Где же она? Вдруг она в воду упала?

— Глупости! — сказал Ленька. — Не могла она упасть. Если б упала, она бы булькнула, мы бы услышали. Просто куда-нибудь уползла!

— Ленька! А вдруг ее кто-нибудь украл? Что же я маме скажу? Ведь я ей честное слово дал! Как мы будем жить без Таньки-Встаньки?..

Юрка и Ленька выбрались из кустов и бегом пустились по лугу.

Танька-Встанька, когда Юрка уплыл, посидела минутку одна, а потом ей сидеть надоело.

Она встала на четвереньки и поползла в кусты. Вдруг раздался выстрел, но Танька не испугалась; она подняла голову и сказала:

— Бух!

Из кустов вышла огромная рыжая собака.

Танька-Встанька засмеялась и сказала:

— Гав!

Собака подошла совсем близко и понюхала Таньку. Таньке

очень понравился собачий ошейник; она встала на ножки, потянулась к ошейнику и сказала:

— Цаца...

И вдруг покачнулась и упала. Тогда собака схватила ее зубами за рубашонку и понесла.

Таньке-Встаньке не было больно, и она не плакала.

Собака пробежала несколько шагов и остановилась. На полянке сидел человек. В руках у него было ружье, через плечо сумка, а рядом стояла корзинка. Это был охотник.

Собака подошла к охотнику и положила Таньку ему на колени.

— Джим! — закричал охотник. — Это ты мне вместо утки принес? Ошибаешься, приятель. Я на детей не охочусь. Отнеси девочку на место, слышишь!

Но Джим ничего не ответил.

Он растянулся на траве, положил голову на передние лапы и притворился глухим. Тогда охотник взял Таньку на руки и пошел с нею в кусты.

Через несколько минут он вернулся.

— Никого кругом нет! — сказал он. — Из гнезда она выпала, что ли?

В это время Танька-Встанька заплакала.

— Новое дело! — сказал охотник. — Она, верно, есть хочет.

Он налил из бутылки в стаканчик молока и дал Таньке попить. Танька-Встанька сразу утихла и даже глаза закрыла.

— Ну вот, теперь она спать хочет! — сказал охотник.

Он выбросил из корзинки вещи, постелил чистое полотенце, уложил Таньку и укрыл ее своей рубашкой.

Потом он отнес корзинку в кусты и сказал:

— Вы, барышня, поспите, а мы с Джимом пока закусим. Джим, обедать!

Джим сразу проснулся. Охотник отрезал Джиму большой кусок колбасы и ломоть черного хлеба, а сам принялся за поми-

доры. В это время в кустах что-то затрещало, и показались перепуганные мальчики.

— Дяденька! — сразу закричал Ленька. — Вам тут девочка не попадалась маленькая? Танькой-Встанькой зовут.

Охотник подмигнул Джиму.

— Нет, не попадалась. А вы что, сестренку проморгали?

— Никого мы не проморгали! — буркнул Ленька. — Она сама удрала. Она такая быстрая, такая вредная... За ней и пятерым не углядеть...

— Гм! — сказал охотник. — А вас только двое. Ну ничего, не горюйте. Раз она такая деловая, значит сама и до дому доберется.

Тут Юрка заморгал глазами и засопел носом.

— Куда доберется! Она же маленькая. Ей год... Она и ходить на двух ногах не умеет, только на четырех...

— Ишь ты! — удивился охотник. — На четырех? То-то она так скоро удрала!

— Да она не скоро... Мы долго купались... Целый час... А я маме честное слово дал. Что же я теперь ма-аме ска-ажу?

Охотник вынул из кармана платок.

— Оботри лицо, — сказал он, — и пойдем вместе искать вашу Встаньку.

Все трое пошли в кусты.

Охотник подошел к корзинке и тихонько позвал:

— Поглядите, не она ли?

— Ай, дяденька, она! — закричал Юрка. — Она, наша Танька-Встанька!

— Не кричи, — сказал охотник, — разбудишь. Ну, берите сестренку и уносите. Вместе с корзинкой несите. На песке сыро ей спать.

Когда отошли несколько шагов, Юрка вспомнил и вернулся обратно.

— Дяденька, вот ваш платочек, мне уже больше не надо.

Спасибо, дяденька. Может, вам червяки нужны? Так я вам накопаю.

— Ладно, накопай, — сказал охотник. — А мы с Джимом рыбку поудим. Только ты обманешь! Честное ленинское слово дашь, а потом надуешь.

Юрка покраснел.

— Нет, дяденька, не обману. Я редко когда обманываю. Я вам целое кило червяков принесу. Вот увидите.

— Ну ладно, — сказал охотник, — увижу. А теперь живо бегите, а то я возьму и передумаю. Мне ваша Танька-Встанька что-то понравилась. Как бы я ее себе не оставил.

В. Карасева

ПО ВОДУ

Наш колодец у сарая,
А вокруг трава сырая.
Даже нынче, жарким днем,
Темнота застыла в нем.

Прибежала я к колодцу,
А ведро с веревки рвется
И звенит по камням
И кричит на меня:
«Лучше не спускай веревку!
Я с веревки спрыгну ловко,
Оборву узелок,
А колодец глубокий,
И до завтрашнего дня
Ты не вытащишь меня!»

Громко я запела,
Ручку завертела,
Вытянула ловко
Мокрую веревку.

В рот воды ведро набрало,
Приемирело, замолчало,
Только на пороге
Окатило ноги.

Р. Гинцбург

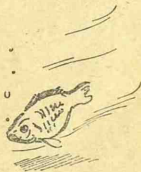
КАРАСЬ

Карася пустили в кадку —
Пусть в саду у нас живет.
Для него горошек сладкий
Принесли мы с нашей грядки —
Он горошка не берет.

Мы салат ему давали,
И клубнику, и творог,
И жука на дно пускали,
Чтоб играть с жуком он мог.

Ничего он есть не хочет,
Оттолкнул жука хвостом,
Все лежит на дне песчаном,
Пузыри пускает ртом.

Банкой мы его поймали,
Опустили снова в пруд,
А потом обратно звали...
Не вернулся, желтый плут!

Пруд блестит в зеленой чаще,
Зелень светится на дне.
Пусть живет карась блестящий
В теплой тине, в глубине.

В. Донникова

МЕДВЕДЬ-ПОЖАРНИК

Было это в том году, когда на Камчатке горели леса.

Пришли раз в деревню камчадалы-охотники и рассказали, что будто в тайге страшного роста медведь объявился и пожары тушит. Как тушит? Чем тушит? Никто не знает, а только тушит, от большой беды спасает — леса, зверей, птиц.

Сами они медведя-пожарника на горе Гаргачан видели. Поклонился он им два раза вот так и мимо прошел — не тронул. И они в него стрелять не стали. Так друг друга и не обидели. Разошлись по-хорошему.

Рассказ этот больше всех взволновал пионера Кумчу.

— Медведь-пожарник?! Вот так штука! Как же он с огнем справляется? У него стоведерная бочка есть, что ли? А на ком воду возит?

Засыпал Кумча охотников вопросами. Но они сами не знали, как медведь тушит огонь, и ничего Кумче не ответили.

Всю ночь ворочался Кумча в постели. Не спится. Только глаза закроет, а перед ним тайга так огнем и пылает. В дыму птицы испуганные кружатся, звери кто куда прячутся... Только медведь-пожарник огня не боится. Обхватил стоведерную бочку и знай водой поливает...

Очень захотелось Кумче на такого «пожарника» взглянуть, и решил он пригласить в компанию своего верного друга Витьку и сегодня же с утра отправиться на Гаргачан. Витькин отец заведовал школой и как раз вчера в город уехал.

Только солнце начало всходить, Кумча уже был около Витькиной постели. Рассказал ему все по порядку и решительно сказал:

— Поедем, Витька, на Гаргачан! Посмотрим, как Тоштыга пожар тушит. Поедем, Витька, ну?..

Витька выпучил на него глаза, переспросил:

— На Гаргачан? К медведю?

— Ну да, к медведю!

— О-одни?

— А кого нам надо? Пусть никто не знает, а когда вернемся, расскажем. Вот удивятся все... не поверят!

— Ну и пусть не верят, — самодовольно заметил Витька. — А только где мы ружья возьмем?

— На што нам ружья? Сказано тебе — медведь смиренный. Охотникам поклонился, а нам и подавно...

— Да-а, подавно, подавно!.. А вдруг рассердится, что мы в тайгу пришли, догонит да ка-ак шлепнет!..

— А мы ножи возьмем! У меня два. Хочешь, я тебе один дам? А, хочешь?

— Да нож-то теперь у меня у самого есть. Эвон какой, папка подарил! — И Витька вытащил из-под подушки американский охотничий нож с костяной рукояткой, в кожаном чехле.

— У-у-у... какой нож! Да у меня нож! Кого же нам бояться? А? Поедем, Витька!

— Ну, ладно. Поедем. Только чур, я хоть лук, да возьму. Наконечники у моих стрел костяные, острые... Если медведь за нами на березу полезет, я — раз в глаз! — тут он на землю и шлепнется. Верно?

— Ага, возьми, возьми! А я котелок да кусок мяса захвачу. Обед где-нибудь сварим.

Длинный бат, выдолбленный из целой осины, плавно плыл возле берега. Кумча стоял на корме и отталкивался шестом.

Витька стоял на носу и тоже отталкивался шестом. Так они благополучно добрались до крутого переката, от которого до Гаргачана — рукой подать. Из-за тальника уже виднелась его зеленая макушка, как вдруг сильное течение отбросило бат на груды торчавших камней. В тонком днище образовалась пробоина. К ногам Витьки хлынула холодная вода. Он побелел от ужаса, крикнул:

— Кумча! Бат проломило... потонем...

— Не ори! Где проломило? Наступи на пробоину пяткой, наступи!..

— Сам наступи! Не поплыву я на таком бате — утонем! Поворачивай к берегу.

— Зачем к берегу?

— Я выйду...

— Трус! Наступи, говорю! Поедем дальше...

— Ну тебя! Езжай один! — выкрикнул Витька и, выпрыгнув из бата, поплыл к берегу.

— Ах, так... На попятную... Так, так! — заругался Кумча и, навалившись грудью на шест, подвел бат к берегу.

Витька выбрался на зеленую лужайку и только хотел раздеваться, чтобы высушить штаны и рубашку, как перед ним вырос раскрасневшийся Кумча. Он тяжело дышал и от злости, казалось, готов был разорвать Витьку.

— Стой! Разве так товарищи делают? Помогай вытаскивать бат, пробоину заткнем — дальше поедем.

— Не хочу!

— Помоги, говорю! Трус!

— Сам трус! — буркнул Витька, но все-таки нехотя взялся за веревку.

Оторвав от штанины лоскут и вооружившись ножом, Кумча законопатил пробоину и всю дорогу отталкивался за двоих, не проронив ни слова...

Уже темнело, когда наши герои подплыли к подножью горы Гаргачан. Оба они были мокрые, усталые, молчаливые.

Вытащив бат на берег, друзья оглянулись. Солнце уже садилось за густой тальник, освещая лишь самую макушку Гаргачана. На макушке зеленел пышный куст кедровника. От него до самой воды спускался песчаный склон. По склону то и дело, подпрыгивая, катились мелкие камешки, стронутые вверх то лапками мышки-землеройки, то крылом вспорхнувшей куропатки.

Закинув голову кверху, Витька улыбнулся и, забыв про ссору, сказал:

— Ух ты, кручь-то какая!..

— На лыжах не скатишься. Вниз головой пойдешь, — охотно ответил Кумча.

Наломав сучьев, друзья развели костер и сварили кусок оленины, предусмотрительно захваченный Кумчой.

Обгладывая кость, Витька удрученно заметил:

— Придется ночевать.

— А ты боишься?

— Чего бояться? Только вот дров у нас нехватит. На берегу около переката сухая ветла лежит — сбегает, притащим?

— Сбегает, — отозвался Кумча.

Бросив на костер остатки дров, они побежали к перекату.

Когда они вернулись обратно, костра не было. В темноте они даже не сразу нашли его пепелище.

— Кумча, где же костер? — полушопотом произнес Витька.

— Сам не знаю. Погас, что ли?

— Может, мы заблудились? — Витька шагнул к берегу, чтобы посмотреть, лежит ли около кустов бат. Под ногами загремел котелок. — Кумча, кто-то здесь был! Вот и наш котелок отброшен в сторону.

Прижавшись друг к другу, теряясь в догадках, Кумча и Витька с минуту вспоминали, не подслушал ли кто их сговора, не подкараулил ли, когда они сталкивали в речку бат. Может, камчадалы-охотники подшутили над ними? Подкрались и залили костер?

Кумча пополз на четвереньках по земле и нащупал рукой пепел.

— Витька, сырой пепел-то! — закричал он.

— Ну?

— Честное пионерское! Да вот и головешка вся мокрая...

Витьке стало так страшно, что он забормотал сквозь слезы:

— Может, не ребята затушили, а медведь был... Побежим. Кумча, отсюда!

— Куда?

— Хоть на тот берег...

— Медведь плавать умеет. Давай лучше скорей другой костер разведем.

— Ну, давай, давай!

И они принялись за работу.

Яркое пламя огня ободрило ребят. Они непременно решили разгадать тайну и стали внимательно присматриваться к мокрому пепелищу. Вдруг Витька заметил на пепле отпечаток медвежьей лапы. Большущая круглая пятка, широкая подошва и пять толстых оттопыренных пальцев ясно говорили о том, что

здесь был медведь. Густая трава между костром и берегом была помята, и на ней искрились водяные капли.

— Медведь был! — прошептал Витька.

— Ага, — согласился Кумча. — Видишь, трава мокрая. Это он из речки воду на костер носил.

— Чем же он ее носил?

— Чем, чем! Нашим котелком...

— Ко-тел-ком? — И, стараясь разглядеть, не валяется ли где стоведерная бочка, Витька оглянулся по сторонам.

В это время на Гаргачане послышалось страшное рычание.

— Пожарник!!! — вскрикнули ребята и, взглянув вверх, оцепенели от ужаса.

Из-за куста кедрача вышел огромный медведь. Он, рыча, оглядывался вокруг, потом сел на задние лапы, уперся передними в рыхлый песок, как на салазках, пронесся по склону и шлепнулся прямо в воду.

От страха ни Кумча, ни Витька не помнили, как оба они оказались на вершине самой высокой березы. У обоих стучали зубы. На Витькином лбу появилась глубокая царапина, и синяя рубаха превратилась в распашонку. Кумча отделался страхом, но зато он сидел на березе много ниже Витьки.

Медведь выбрался на берег, подбежал к костру. Рывкнув, он ударил раз-другой по горящим головешкам лапой, разбросал их и лег мокрым брюхом на горящие угли.

Поднялся густой пар, дым... Стало темно. Чуть запахло паленым. Повернувшись сперва на один, затем на другой бок, медведь поднялся и снова бултыхнулся в воду. Долго смачивал он свою шерсть в реке, стараясь набрать побольше воды, наконец опять вылез на берег и лег на затухающий костер. А когда он совсем потух, медведь обошел вокруг пепелища и так же задушил разбросанные головешки...

Покончив с последней головешкой, «пожарник» лениво побрел в гору.

С трудом дождались ребята утра. Как только рассвело, они поспешно пустились в обратный путь и к вечеру были уже дома. Но рассказов об этом приключении им хватило на много-много дней.

М. Уралов

ПНИ

На лесных зеленых кочках
Замечательные пни —
Все в разводах и кружочках.
Хорошо глядеть на них!
На пенек посмотришь — диво!
Каждый корень, как змея.
А грибов каких красивых
На коре растет семья!
Все без ножек, только шляпы,
Полукругом все сидят:
Посредине — мама с папой,
По бокам — толпа ребят.
Мох какой-то серебристый
Там из трещины повис...
Зайчик солнечный, лучистый
По корням сбегает вниз...
Муравей с яичком белым
То вперед, то вбок ползет,
То покружится несмело,
Будто дома не найдет.
Вот гудящим самолетом
Пролетел рогатый жук,
Повернулся — и с налета
В лоб ударился мне вдруг.

О. Тарнопольская

ПАРОВОЗ

Из депо выходит новый
Черно-сизый паровоз...
Он начищен и подкован,
Он шутя взошел на мост!

Он сверкает фонарями,
Дышит жарко, глубоко,
Выпускает пар ноздрями —
Вылетает пар легко.

Влажной пылью пар садится
На бока, на грудь его...
И над ним несутся птицы
Вперегонки: кто — кого?

Е. Энке

МУРАВЕЙ

Галя подошла к окну полить цветок.

Смотрит — на белом подоконнике муравей. Торопится, торопится, взбежал на цветочный горшок и исчез куда-то. Галя поискала — не видно. Ну и не надо!

Она полила цветок хорошенько, вода стала вровень с краями. Вдруг на воде — муравей.

— Ой, погибнешь! Я же тебя не заметила. Ты коричневый — и земля коричневая.

Схватила листок, подставляет ему:

— Спасайся, спасайся!

А он гребет, гребет ножками, плывет, а на листок почему-то не хочет.

— Ну, держись, держись! Сейчас, сейчас! — говорит Галя. Вода уходит из горшка в тарелку. В тарелке воды все больше, а сверху вода все ниже и ниже.

Почти везде сухо, а муравей барахтается над ямкой от палочки. Сейчас его засосет, а листка туда не просунуть!

«Не спасешь! Погибнет!» подумала Галя.

А он уцепился за тоненький корешок, выкарабкался и побежал по цветку как ни в чем не бывало.

А. Крачковская

НОВАЯ ЛИНИЯ

Проволоку длинную
На сарай закину я,
Плоскогубцами загну
И к воротам протяну.

Вот и все готово!
На цепочке новой
От сарая до ворот,
Как троллейбус, пес идет!

Н. Артюхова

ДОЖДЬ

Капли прыгают по крышам...
Рыжий кот гулять не вышел,
Не ведут гулять и нас.

Мы носы прижали к стеклам:
Как внизу трава намокла!
Нет, нельзя гулять сейчас.

За дождем берез не видно.
Тучи, как же вам не стыдно —
Льете слезы ведрами!

Эх, нарвать бы длинных веток
Да прогнать бы вас за это
Вениками мокрыми!

Но напрасно мы хлопочем —
Вон как ветер заворочал
Тучами тяжелыми!

Ветер тучи выгнал живо,
Только мчит ручей бурливый
Да журчит по жолобу.

Вот теперь мы выйти можем!
В небе — солнце, в лужах — тоже,
Крыши сохнут пятнами.

Рыжий кот на крышу вышел,
Потому что стали крыши
Теплыми, приятными.

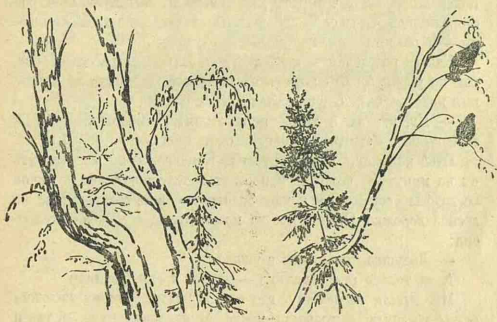
А. Кардашова

КАК МЫ ПЕРЕХИТРИЛИ ТЕТЕРЕВЕЙ

Мой отец служил врачом в сельской больнице. Мы жили на самом краю села, а прямо за селом начинался молодой березовый лес. Этот лес неудержимо манил меня к себе, и я мечтал: вот, когда вырасту, обязательно сделаюсь лесным сторожем, как дедушка Пахом, надену лапти, отпущу бороду и буду всю жизнь бродить по лесу с огромной палкой и корзиной через плечо.

Весной и летом мы, ребяташки, целыми днями пропадали в лесу. Идешь бывало по лесной тропинке, кругом — березки да кусты орешника. Солнышко сквозь зеленые ветки просвечивает и рассыпается по земле тысячами золотых кружков. А ты идешь по усыпанной солнечным золотом дорожке, идешь и глядишь по сторонам, под кусты — не притаился ли где-нибудь возле пень-ка пузатый белый гриб.

Осенью во мне пробуждалась страсть будущего охотника. Я брал палку вместо ружья и бродил по лесу, воображая, что слеживаю дикого зверя. Увидишь бывало старый, обросший мхом пенек и представишь себе, будто это медведь... Даже самому жутко станет! Выстрелишь из палочного ружья, выхватишь из-за пояса деревянный кинжал — и врукопашную со страшным зверем...

Но иногда удавалось видеть и настоящую дичь. Поздней осенью по утрам к нам в лес прилетало много тетеревей. Они рассаживались по березам и кормились семенами. Я всегда старался встать как можно раньше, выбегал на бугор и подолгу любовался этими большими черными птицами. Сидя на тоненьких ветках, они качались от ветра и, вытягивая шеи, срывали березовые сережки. Полюбовавшись на тетеревей издали, я тихо крался поближе в лес.

Но ни разу мне не удавалось подойти к ним. Только начнешь подкрадываться, а тетерева уже заметили: вытянули шеи, насторожились. Сделаешь еще шаг-два, а они хлоп-хлоп крыльями — и разлетелись.

Как-то раз зашел к отцу дедушка Пахом. Я рассказал ему, как по утрам бегаю смотреть на тетеревей, да никак не могу к ним подкрасться. Дедушка засмеялся и сказал:

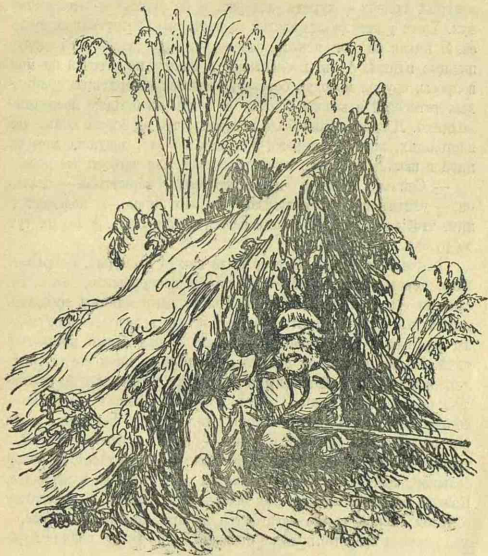
— Ну, мы их с тобой перехитрим! Проси отца, чтобы он тебе позволил завтра со мною на охоту пойти.

Отец на охоту меня отпустил. Конечно, я не мог заснуть ни на минуту — все боялся проспать. Дедушка зашел за мной, когда было еще совсем темно. Задолго до света мы уже шли по лесной дорожке. Старик нес на плече ружье и мешок. Я спросил:

— Дедушка, что у тебя в мешке?

— А он только рукой махнул — придет время, увидишь.

Мы вышли на поляну, где стоял шалаш. Старик положил ружье на землю и развязал мешок. Я заглянул туда, да так и

ахнул. В мешке лежали сделанные из тряпок два тетерева. Из пестрых тряпок — курочка-тетерка, а из черных — тетерев-петух. Хвост у петуха был сделан из настоящих тетеревиных перьев. Я никак не мог понять, зачем дедушке нужны эти игрушечные птицы. А он, посмеиваясь и ничего не отвечая на мои вопросы, срубил молодую березку, привязал к верхушке тряпичных тетеревей и вкопал березку в землю на бугорке посредине полянки. Издали можно было подумать, что на березе сидят два настоящих, живых тетерева. Устроив все это, дедушка влез со мной в шалаш и только тогда рассказал, для чего он это делал.

— Сейчас тетерева прилетят сюда кормиться, — сказал он, — увидят наших, подумают, что это живые, и подсядут к ним, чтобы вместе березовые сережки общипывать. А мы их тут из ружья и подстрелим.

Дедушка замолчал. В лесу было как-то пасмурно, неприветливо. Деревья уже все облетели, стояли почерневшие, голые. Не слышно было птичьих голосов. Только одни синицы пухляки, как ватные мячики, прыгали и перелетали в почерневших сучьях деревьев. А на ветках и на земле лежал белый пушистый иней. Но вот над лесом поднялось солнышко, иней начал таять и переливаться разноцветными огоньками, и весь лес будто налился розовым утренним светом. Вдруг я услышал где-то близко-близко шум крыльев: большая птица летит! Выглянул я через щелочку из шалаша и вижу — на нашу березку рядом с тряпичными тетеревами сел настоящий, живой тетерев, да такой большой, красивый! Я так близко ни разу тетерева и не видел. Каждое перышко можно разглядеть. Сам черный, с синеватым отливом; перья хвоста завиваются на две стороны косицами, а над глазами красные полосы бровей. Сел на ветку, поднял голову и оглядывается.

Я как закричу:

— Стреляй, дедушка, стреляй!

Тетерев испугался и улетел.

А дедушка рассердился.

— Ты, — говорит, — мне всю охоту испортил. Зря я тебя с собой брал! Всех тетеревей теперь распугали.

Так мы и вернулись домой ни с чем.

Г. Скребицкий

ОСЕНЬ

Вот проходит по дубровам,
Шелестя седой травой,
Август яблочный, медовый,
Спелым солнцем налитой.

Протянули сетку
Паутинки цепкие.
Яблоки на ветке
Круглые и крепкие.

Пахнет сыростью лесной,
И грибами, и сосной...

Милости просим,
Молодая осень!

Е. Ровинская

СОДЕРЖАНИЕ

З. Александрова — Новый год	3
С. Михалков — Елка	6
Н. Артюхова — Сан-Франциско	7
А. Кононов — Красные ягоды	8
В. Карасева — Партизан Данило	12
З. Александрова — Сестренки	22
С. Михалков — Коля Кузнецов	23
Л. Воронкова — Заяц	25
Е. Ровинская — Загадки на снегу	26
В. Донникова — Слон	28
М. Клокова — Дед Мороз	29
Н. Полянская — Воздушный шар	31
Е. Благинина — Веселый человек	36
Р. Гинцбург — Пузыри	37
В. Осеева — Зайка	39
М. Клокова — Воробей	—
Г. Скребицкий — Ушан	40
Л. Парийская — Ледоход	44
Е. Ровинская — Бабушка	55
Н. Найденова — Тесто	—
Е. Успенская — Обезьянка Ниночка и ее приемыши	57
А. Кардашова — Лягушонок	61
А. Введенский — Загадка	62
Л. Некрасова — Про бычка	63
Н. Носов — Домик	64
Н. Найденова — Крокет	66
Н. Артюхова — Одуванчик	67
В. Королинская — У реки	68
В. Карасева — Танька-Встанька	—
Р. Гинцбург — По воду	74
В. Донникова — Карась	75
М. Уралов — Медведь-пожарник	76
О. Тарнопольская — Пни	83
Е. Энке — Паровоз	84
А. Крачковская — Муравей	—
Н. Артюхова — Новая линия	85
А. Кардашова — Дождь	86
Г. Скребицкий — Как мы перехитрили тетеревей	87
Е. Ровинская — Осень	91

3667
15246

цена 4р ~~40к~~ ²⁰⁰⁼